

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИНСТИТУЦИИ. К ВОПРОСУ О КОММЕНТИРОВАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭПОХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

© 2019 г. Д.С. Московская

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 03 сентября 2019 г.

Дата публикации: 25 декабря 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-232-251

Аннотация: Наличие специальности электротехника позволило А. Платонову быть писателем и не зависеть от литературных группировок в 1920-е гг. В 1930-е гг. он становится членом различных писательских союзов. В эти годы общеупотребительный лексикон приобретает у Платонова новое образное содержание. Комментирование ненормативной (дурак, мерзавец) и нейтральной лексики (гуманист, прослойка, пустяк, товарищ пролетариата) обнаруживает диалог Платонова с властью, которую воплощают писательские союзы. Платоновское словоупотребление выявляет не «вещи», а отношение писателя к ним, и позволяет продемонстрировать идейное пограничье, в которое вступила страна в год великого перелома. Начатая сразу после Октября советской властью война за новый языковой стандарт достигла в этот момент апофеоза. В языке совершался распад мировоззрений, жизненных укладов, ценностей. Новое содержание бытовой лексики определяет композицию и сюжет произведений Платонова начала 1930-х гг. и обращено к языку литературных институций, где формируется новый «языковой стандарт» как форма социального доминирования.

Ключевые слова: Андрей Платонов, литературные институции, языковой стандарт, диалогизирующий фон, смысловой сдвиг, язык власти, реальный комментарий, собрание сочинений.

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: 0000-0002-8089-9604

E-mail: darya-mos@yandex.ru

Для цитирования: *Московская Д.С.* Андрей Платонов и литературные институции.

К вопросу о комментировании произведений эпохи социалистической реконструкции // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 4. С. 232–251.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-232-251

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

ANDREY PLATONOV AND LITERARY INSTITUTIONS. ON THE QUESTION OF COMMENTING ON THE WORKS OF THE SOCIALIST RECONSTRUCTION ERA

© 2019. D.S. Moskovskaya

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: September 03, 2019

Date of publication: December 25, 2019

Abstract: The profession of electric engineer gave Platonov an opportunity to be a writer and feel independent from literary groups in the 1920s. In the 1930s, he becomes a member of different literary associations. In these years, Platonov's discourse undergoes different changes. His new vocabulary, whether normative and neutral (humanist, stratum, trifle, comrade) or non-normative (fool, scoundrel) reveals his dialogue with the regime that the writers' unions were standing for. Platonov's use of words demonstrates not "things" themselves but his attitude to them, and shows a new ideological borderline that the country had crossed in the year of the "great turning point." Battles for a new language initiated by the Soviet regime immediately after October Revolution reached its apotheosis at that moment. The language reflected the crisis of worldviews, lifestyles, and values. The new meaning of the neutral vocabulary defines the structure and plot of Platonov's works in the 1930s. Platonov turns to the language of literary organizations that were developing a new "language standard" as a form of social domination.

Keywords: Andrey Platonov, literary institutions, language standard, dialogue, background, semantic shift, language of power, commentary, collected works.

Information about the author: Daria S. Moskovskaya, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-8089-9604

E-mail: darya-mos@yandex.ru

For citation: Moskovskaya D.S. Andrey Platonov and Literary Institutions. On the Question of Commenting on the Works of the Socialist Reconstruction Era. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 4, pp. 232–251. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-232-251

В канун 120-летнего юбилея А.П. Платонова исследовательская группа ИМЛИ РАН по подготовке собрания сочинений писателя под руководством Н.В. Корниенко достигла нового исторического рубежа: подготовлены и прокомментированы тексты 1928–1932 гг. — произведения реконструктивного периода. Достижение этого исторического, в прямом смысле слова, момента позволило поставить вопрос о Платонове и литературных институциях.

В 1932 г. на творческом вечере во Всероссийском союзе писателей Платонов заявлял, что он «всегда хотел быть именно политическим писателем, а не эстетическим» [31, с. 297, 310]. В институциональном качестве члена комсомола с 1920 г. он публиковал свои статьи в воронежской периодике. Лозунги, атрибуцию которых произвела Е.В. Антонова («Наша жизнь зацветет на смерти буржуазии»; «Сметем с земли свинцом и сталью царство зверя и отдадим голубые просторы во власть радости и труда»; «Варшава — голова с ядом польской зеленой змеи. Расшибем эту голову» и проч. [1, с. 312–315]), говорят о предельной идеологической заостренности молодого журналиста и взволнованности, вызванной внешне- и внутривнутриполитическими событиями. В то же время анализ идеологии платоновских статей [1] показывает яркую индивидуальность и одиночество автора в институциональном стилевом поле провинциальной политической публицистики. Членство в Воронежском Пролеткульте с характерной для «поэзии рабочего удара» (А. Гастев) поэтикой космизма, искреннее, эмоциональное, было [11, с. 473; 3, с. 350; 15, с. 33] поиском творческой самореализации. В роли активиста-общественника Платонов себя не видел: «Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного» [34, с. 172]. Отвечая на анкету, предложенную участни-

кам Всероссийского съезда пролетарских писателей в Москве, он заявляет о себе как о писателе внеаппаратном, имеющем «свое» собственное [11, с. 492]. Спустя десятилетие, в 1931 г., в анкете журнала «На литературном посту» он вновь продемонстрирует независимость, аттестуя себя как далекого от литературы специалиста: «Основной профессией считаю электротехнику» [31, с. 286]. В 1928 г. Платонов постарается наделить своего автобиографического героя Александра Дванова полезными для жизни в новых социальных условиях качествами, необходимость которых он ясно сознавал: «**Дванов** умел интимное соединять с общественным, чтобы сохранить в себе [*интерес*] **влечение** к общественному» [4, с. 146].

Первая половина 1920-х гг. открывала провинциалу Платонову разнообразные перспективы для соединения «интимного и общественного» не только в рамках литературных групп и союзов. В послевоенном Воронеже буйно расцвело краеведение, организационно оформившееся в 1924 г. В ближнем дружеском круге писателя мы видим члена комитета Воронежского краеведческого общества и кандидата в члены союза краеведческих обществ Центральной черноземной области (далее — ЦЧО) Б.А. Келлера. Участниками краеведческого движения были работники Земотдела, где в это время служил Платонов в качестве губернского мелиоратора (см. подробнее: [23]), но в личном составе краеведческих обществ ЦЧО он не был обнаружен: свой вклад в самое массовое и самое демократическое движение 1920-х гг. Платонов внес как мелиоратор в «ремонт земли», на этом поприще интимное, земляческое чувство естественно сочеталось с общественным инстинктом. Сочувствие Платонова-писателя социальным и духовным ценностям краеведения с его местным патриотизмом, пафосом служения, научным подходом, интересом к местной культуре и локальной истории, собирательским и производственным энтузиазмом сказалось в бытовой прозе эпохи нэпа (см. подробнее: [20; 23]) и позже в выборе тематической секции Всероссийского союза советских писателей в 1929–1932 гг. — краеведческой [21], в организационных рамках которой шла работа над повестью «Степное дело».

Так и не ставший членом руководящей партии, Платонов в 1932 г. будет прилюдно раскаиваться в своей несознательности и постарается показать перековку мировоззрения, упомянув о своей теоретической, в духе Пролеткульта и А.А. Богданова, любви к коллективной организованной де-

тельности: «...я читал Ленина, учился в советской партшколе, читал и знал на практике, какая великая сила — организация, дисциплина...» [31, с. 296]. Однако дружеский совет: «Почаще бывай у нас, как-то надо общаться» [31, с. 310], которым П.А. Павленко напутствовал Платонова, демонстрирует, насколько он по-прежнему оставался далек от институциональных писательских практик и организационного дискурса.

Наличие востребованной специальности давало Платонову какое-то время возможность чувствовать свою независимость от литературных группировок и спасало в кризисные моменты жизни. Отлученный от литературного творчества весной 1932 г. сокрушающей критикой РАПП и самого Сталина, Платонов устроился на работу в трест «Росметровес» [2, с. 788–789], что позволило ему продолжать борьбу за возвращение в литературу, к художественному творчеству, завершившуюся после вступления в ряды Союза советских писателей в 1934 г.

Вышедший из кандидатов в ВКП(б) в 1921 г. [14, с.163], с тех пор и до 1929 г. не стремившийся к активности ни в одном писательском союзе, Платонов не мог не видеть, что литературные организации имели своим началом не только общность литературных вкусов. Все они обладали или хотели обладать поддержкой Политбюро ЦК, опирались на лоббистов, как, например, редколлегия «Красной нови», глава которой А.К. Воронский был членом агитационно-пропагандистского отдела Госиздата, заведующим литературным отделом «Правды», референтом Ленина по эмигрантской литературе, или подобно издательству и группе писателей «Круг», поддержанных Л.Д. Троцким на уровне Политбюро. За этими творческими союзами стояла политическая сила, а с ней и финансовая поддержка, как, например, у Пролеткульта, который, невзирая на недовольство Ленина и Крупской, не был лишен финансирования: в 1922 г. Политбюро ЦК выделит поддержку пролетарским писателям и молодой «Кузнице» [6, с. 43].

Именно близость к власти и вождеденное право на власть (ср. у Платонова: «Председатель <...> был молодой слесарь — обыкновенное лицо, маленькие любознательные глаза, острая хищная жажда организации всего уездного человечества <...>. У председателя были замечательные руки — маленькие, несмотря на его бывшую профессию, с длинными умными пальцами, постоянно шевелящимися в нетерпении, тревоге и нервном зуде» [33, с. 15]), а с ними право на финансовое обеспечение профессиональной де-

ятельности были основанием для острой конкуренции между попутническими, ленинско-троцкистскими-воронскими и пролетарско-сталинскими литературными группировками. Так, например, к 1926 г. в ведении напостовцев, кроме трех центральных, московских и одного ленинградского, находились еще тридцать областных литературно-художественных журналов [12, с. 115]. Имея в виду эти институциональные особенности писательских объединений, можно пренебречь различиями художественно-идеологических самопрезентаций Воронского и группы «Октябрь», «Перевала» и МАПП, затем РАПП, Лефа и РАПП. Они были единодушны в понимании направления главного удара: «старый мир», идеалистические и полуидеалистические философские «школы и секты», «ветхие одежды “священных” книг» и «философские сказки первобытного ребячества» [13, с. 17], а противостояние и кратковременные тактические союзы, как, например, у Лефа и МАПП, были сублимированной в литературные практики конкуренцией за «соавторство» с властью, которая после смерти вождя пролетариата маскировалась под борьбу за ленинское наследие. Б.А. Пильняку в начале 1920-х гг. соавторство предоставлял Троцкий, кому-то, вроде автора «Бронепоезда 14-69» в красноновьской версии, — Сталин, или же следовал отказ, как, например, в случае с Пролеткультами и Лениным, а позже РАПП и Сталиным. Как отмечает Н.М. Малыгина, «в результате установления личных контактов писателей с “партийными товарищами” возникали странные содружества — Есенина с Вардиным, Маяковского с Аграновым <...>, Горького с Ягодой и Авербахом» [15, с. 51]. А руководимые ими группировки, по словам Пильняка, уже мечтали переехать в столицу, жить под Москвой в какой-нибудь усадьбе [15, с. 52]. На литературу давались «громадные средства», это было время «садического совокупления власти с литературой» [37, с. 260].

Часто наведывавшемуся в начале 1920-х гг. в Москву Платонову, знакому не понаслышке с распрями и расколами в литературном движении, принадлежит великолепная метафора меркантильно-бытовой природы «институциональности»: «Где есть масса людей, там сейчас же является вождь. Масса посредством вождя боится свои тщетные надежды, а вождь извлекает из массы необходимое. Тормозная площадка вагона, где уместились человек двадцать, признала своим вождем того человека, который втиснул всех на площадку, чтобы влезть на нее самому» [4, с. 166].

Известные попытки Платонова в 1920-е гг. сойтись с Обществом культурной смычки, визиты в редакции толстых журналов и издательств, дружеские контакты с Пильняком и поиск поддержки у В.Б. Шкловского — следствие практической необходимости устроиться в Москве и найти работу. Об этой острой бытовой нужде писателей, с целью ее преодолеть стремящихся в профессиональные цеха, дружно пишут А.К. Воронский: «Отсутствие книжного рынка, крахи и кризисы разных издательств... создали острую безработицу среди писателей» [38, с. 21] — и Б.М. Эйхенбаум: «Вопрос о том, “как писать”, сменился или, по крайней мере, осложнился другим — “как быть писателем”» [41, с. 429]. Как прожить, будучи писателем, лишенным цеховой защиты, — таково содержание обращений Платонова к вождям, Воронскому в 1926 г. («...я благодаря смычке разных гибельных обстоятельств, очутился в Москве и без работы. Отчасти в этом повинна страсть к размышлению и писательству. И я сую и не знаю, что мне делать, хотя делать кое-что умею (я построил 800 плотин <...> и пр.). Но пишу <...> и это мое основное, телесное <...>. Посылаю вам 4 стихотворения <...>. Убедительно прошу это прочитать и напечатать» [34, с. 157]), к Авербаху, в ФОСП, в 1931 г., где Платонов просит помочь решить квартирный вопрос («Товарищ Авербах! <...> Прошу тебя дать распоряжение <...>, чтобы мне дали жилище. <...> Я же далее никак не могу существовать <...>, это предел любому человеку» [34, с. 282]), к Горькому в 1931–1934 гг. с надеждой освободиться от «клейма политического врага» [34, с. 306], констатацией «тяжелого положения» [34, с. 341] и просьбой поспособствовать печатанию рассказов, к самому Сталину с покаянием, с попыткой показать свое «действительное отношение к социалистическому строительству» и желание быть «полезным революции» [34, с. 287] — в период отлучения от литературного творчества.

Вернувшись вновь к выступлению Платонова в ВССП, обратим внимание на форсированный им мотив «одинокости», с одной стороны, и по-разному оформленное желание быть своим в писательском союзе, говоря словами героя пьесы «Объявление о смерти» Абрамента, статья, наконец, признанным «товарищем пролетариата» — с другой.

Платоновская институциональная вменяемость обнаруживает себя в опыте комментирования его творческого наследия. При подготовке первого и второго томов его «Сочинений» составители были сосредоточены на собственно реалиях: датах, именах, локусах, цитатах, аллюзиях, реминисценци-

ях — на том пестром контексте, откуда пришли к Платонову те или иные сюжеты и образы. Самые специфические были собраны в завершающем каждый том «Словаре областных слов и технических терминов» [32, с. 497–499; 33, с. 853–858]. В четвертом томе, где публикуются произведения реконструктивного периода, читателю предстанет нечто качественно иное: «Словарь языка эпохи», как знак достижения нового исторического рубежа и нового состояния платоновского художественного дискурса. «Словарь» составили практически неотличимые от лексикона времени выражения, вроде тех, на которые обратил внимание М.Ю. Михеев в записных книжках писателя 1930–1931 гг.: «ликвидация кулачества», «исправление перегибов», «спецы», «хлебозаготовки», «чистый оппортунизм», «ударничество», «вредительство», «двурушник» [16, с. 355] и проч. Стилиевой парадокс состоит в контрасте обычного политического лексикона времени в платоновских записях и «усложненного» языка, которым написаны его произведения тех же лет [16, с. 355]. По мысли М.Ю. Михеева, Платонов использовал записную книжку с коллекцией слов из «инородного ему языка», партийного, советского, доводя в своем творчестве их уродства до предела, опошляя «красивости» и маскируя собственную авторскую позицию «придурковатостью» [16, с. 355–356, 361].

Разыскания в отделе рукописей ИМЛИ РАН показали, что начиная с 1929 г. Платонов активно «институционализируется». 19 января 1929 г. он подает в правление МАПП заявление о зачислении в члены Ассоциации, которое попадает в дело «одиночек», специально для таких, как Платонов, заведенное [18, с. 420–421]. 18 апреля 1931 г. Платонов обращается в секретариат ЛОКАФ и сообщает о своей готовности писать о Красной армии [18, с. 422]. Если принять во внимание, что ЛОКАФ был принципиально открыт для вступления всем желающим писать на военно-оборонную тематику [10], то это обращение писателя — это, по существу, заявление о вступлении в состав этой массовой литорганизации. С 1931 г. Платонов — член киносекции Всеросскомдрама, с 1929 г. — член краеведческой секции ВССП, где и остается после образования Оргкомитета союза писателей, о чем свидетельствует вновь найденное его письмо от 1932 г., содержащее готовность передать для публикации повесть «Степное дело» в краеведческую секцию Оргкомитета¹.

1 ОР ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. 1260. Л. 1.

Имя Андрея Платонова всего лишь несколько раз доходило до самых верхов партийно-государственной пирамиды: в связи с публикациями «Усомнившегося Макара», «Впрок» и участием в журнале «Литературный критик». Но сам Платонов в эпоху реконструкции ведет в своих произведениях неумолкающий разговор с властью, диалог «на тарабарском языке», по выражению Е.А. Добренко: «Безумие платоновского мира — это вывернутый наизнанку мир сталинских нарративов» [8, с. 111]. По мысли Е.А. Добренко, «Текст <...> Сталина был текстом власти. Иное дело — текст о власти. <...> Платонов открыл колоссальный взрывной потенциал языка, освободил его энергию. Именно в этом заключена высшая социальность платоновской прозы» [8, с. 111, 114].

Платоновские произведения 1929–1932 гг. — это тексты *о власти* и о тех, кто претендовал на соавторство с самим Сталиным, среди литорганизаций — РАПП. Напомним, что в апреле 1928 г. на Всесоюзной конференции пролетарских писателей (на которой был основан РАПП) присутствовали высокие партийные чины. Другим адресатом и собеседником Платонова был М. Горький, публицистика и выступления которого, благодаря близости к власти, приобрели после 1928 г. в широком смысле перформативный, т. е. побуждающий к действию и способный формировать социальное поведение, характер. В платоновском диалоге с «текстами власти» следует рассматривать стилевые и содержательные особенности произведений четвертого тома сочинений писателя.

В них существенно меняется характер подлежащих комментированию реалий. Собственно реалиями оказываются не исторические имена или события, но запечатленные в слове чужие смысловые обертоны, обрывки чужих идеологем, все то, что опосредованно составило «вещный» фон платоновского текста. Так, комментарий к словам героя пьесы 1931 г. «Объявление о смерти» Мешкова, инженера «старой школы» на заводе, вступившего в борьбу за встречный промфинплан: «Я мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк», в редакции 1934 г. дополненный причитаниями: «Что я такое?», «Пора в землю. На покой», требует пояснения с опорой на марксистскую трактовку классов. В годы великого перелома понятие «прослойка» употреблялось как синоним обособленной касты интеллигенции с клеймом вредительства, что явственно прочитывается в стенограмме процесса над инженерами Промпартии в итоговом при-

знании Л.К. Рамзина: «Я хотел, чтобы в результате теперешнего процесса “Промпартии” на тяжелом и позорном прошлом всей интеллигенции, как кастовой, обособленной прослойки, можно было поставить раз и навсегда крест» [36, с. 2]. «Пустяк» приобретает несвойственный ему политический подтекст верхоглядства и завуалированного вредительства, с которым был употреблен в статье В. Дятлова «Больше внимания тактике классового врага», где классовым врагом назван автор «Впрок», воплотивший политическую позицию кулака-кондратьевца [22, с. 186].

«Я устал от исторической необходимости. Я живу и все время чувствую какой-то вечный вечер». Монолог Мешкова обращен к «усталости» интеллигента-индивидуалиста, теме, возникающей в связи со смертью В.В. Маяковского в статье М. Горького «О солитере»: «Маяковский сам объяснил, почему он решил умереть. <...> Самоубийство только тогда социальная драма, когда его вызывает безработица, голод. А затем, каждый человек имеет право умереть раньше срока, назначенного природой его организму, если он чувствует, что смертельно устал» [30, с. 4–5].

Служба инженера Абраментова в период эмиграции сторожем «пчелиных пастбищ от саранчи» в австралийской пустыне — несомненная аллюзия к роману о судьбах интеллигенции С.Ф. Буданцева «Саранча» (опубликован в 1929 г.). Но, с точки зрения реалий, австралийская пустыня и пчелиные пастбища — явная экзотика: среди прибывших в СССР иностранцев самое большое число составляли германские заводские инженеры и рабочие, и потому остаются неочевидными избранные Платоновым как адрес зарубежного пребывания иммигранта, так и род его деятельности. Возможно, ключ этому абсурду кроется в «Заключительном слове» Сталина на XVI съезде ВКП(б) 2 июля 1930 г.: «Вот почему я думаю, что разговоры Томского насчет того, что его хотят послать в пустыню Гоби и заставить есть дикий мед и акриды, есть пустые прибаутки провинциально водевильного характера, не имеющие ничего общего с вопросом о достоинстве революционера» [39, с. 11]. Можно допустить и отсылку к словам В.В. Ермилова о покойном Маяковском, черты которого проступают в Абраментове (см. об этом сходстве подробнее: [24]): «Он чувствовал себя в старом мире, как в огромной пустыне» [27, с. 2].

Неуместное по форме и содержанию самоуничижение Мешкова: «...я забыл однажды формулу живой силы!..» — может стать понятным, если вспомнить о предмете острой дискуссии рапповских критиков с теорети-

ками «Передела». В споре звучало понятие «формула мастерства», знание которой ценилось РАПП выше вдохновения [26, с. 24–25].

Для политической марксистской публицистики было характерно использование оскорбляющих достоинство адресата слов — традиция дореволюционной партийной полемики, заложенная еще Лениным, а Сталиным определенная не как унижение, а как средство «давления». Исследования языка Ленина, начатые формалистами (Шкловский, Эйхенбаум) в 1924 г., представили вождя пролетариата «деканонизатором», реформировавшим смысл слов, использовавшим «крепкие слова» для обидного высмеивания противника, вступившего в спор с товарищами по партии.

В ударные годы первой пятилетки ленинская традиция творчески развивалась: «мерзавец» стал синонимом маскирующего свою меркантильную, индивидуалистическую, собственническую, мелкобуржуазную сущность представителя рабочего класса или интеллигентской прослойки. В выступлении на заседании МАПП 27 мая 1931 г. Ермилов предупреждал: «Мы по-ленински будем искать этих конкретных носителей зла, тех рабочих, которые так ставят вопрос, что их заработок является первым, основным делом для них, как пишет Ленин. И кому из рабочих неизвестно, что среди сормовских, путиловских рабочих немало таких мерзавцев»². В 1930 г., исследуя на примере «Красного дерева» Пильняка, «Выстрела» Безыменского настроения мелкобуржуазной «левизны» в художественной литературе, тот же Ермилов ополчается против «Бани» Маяковского, усматривая в ней насмешку над «боевым большевистским прошлым» недостойного этого прошлого перерожденца Победоносикова: «Такой чистый, гладкий, совершенно “безукоризненный” бюрократ, хам, такой законченный мерзавец» [25, с.10]. В том же смысле употребляется «мерзавец» в пьесе А.Н. Афиногенова «Страх» (1931): «Верить некому. Друзья — и те предают. <...> Которомина судят. Во вредительской партии состоял... Такой милый человек — и тот мерзавец» [5, с. 475] и проч. В почти терминологическом смысле «вредителя», но с дополнительными обертонами «вражеский агент», «предатель» следует понимать вопрос перепуганного Мешкова, обращенный к внезапно явившемуся к нему в дом из-за границы Абраментову: «Может быть ты мерзавец?»

2 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1.

Социально-политический смысл принадлежности к правому, бухаринскому уклону, ставшему «главным» в годы коллективизации, обретает «дурак» в риторическом вопросе Мешкова: «Неужели я отстал, неужели я дурак?», отсылающем к оценке «бедняцкой хроники» «Впрок», которая прозвучала в докладе В.М. Киршона на пленуме МАПП в июне 1931 г.: «Это откровенно контрреволюционная вылазка классового врага. <...> Кадры колхозные, как он изобразил их. Дурак на дураке, идиот на идиоте»³. Таким образом, в новом социальном контексте ненормативная лексика, *мерзавец* и *дурак*, переживает смысловой сдвиг и становится расхожим политическим клеймом.

Неожиданно ругательным в период реконструкции оказывается «гуманист». Ирония Абраментова: «Сладко спят гуманисты на свете», — обращена к интеллигентам, притаившимся двурушникам, предателям, врагам пролетариата. Журнал «На литературном посту» схлестывается с автором предисловия к сборнику «Перевал» А.З. Лежневым, определившим его содержание как «новый гуманизм». Напостовец М.И. Серебрянский дает развернутый классовый анализ природы человеколюбия: «Бедный гуманист не только охвачен нежностью к классовому врагу, для него несчастье, горе, чуть ли не ореолом святости должно окружить человека <...>. Много ли этой гуманностью сделаешь? Выстроишь ли социализм в варварски отсталой <...> стране жалостью, <...> хлюпкой гуманностью?» [26, с. 21–23]. В тех же смыслах, но с акцентом на двуличие звучит «гуманист» в статье М. Горького «По Союзу Советов» для журнала «Наши достижения»: «... гнусное равнодушие христиан “культурной” Европы <...> позорнейший акт грабежа самодержавным правительством церковных имуществ Армении <...> все трагедии, пережитые этим энергичным народом. Удивительно быстро и ловко забывают факты такого рода господ “гуманисты”» [29, с. 31]. И, наконец, Авербах, размышляя о самоубийстве Маяковского, объясняет его «тоскливым гуманизмом, тягой к скорбному самопожертвованию» [28, с. 355]. Здесь семантическое поле «гуманист» пересекается с горьковским издательским «солитером», паразитом-«одиночкой».

В публицистике эпохи «великого перелома» происходит метафорическое переосмысление терминов родства, приобретавших классовый смысл.

3 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5–8.

Девлетов, директор турбостроительного завода-гиганта в «Объявлении о смерти» увещевает инженеров, представителей «старой школы»: «Человек должен перестать быть сиротой — это нужно для пятилетки». В рапповской критике понятие «сыновства» связывалось с принадлежностью к пролетарским писателям. В этой близости не было отказано коммунисту-писателю Макееву, посланному в район сплошной коллективизации и там погибшему от рук кулаков, но Маяковский так и не был усыновлен РАПП. Авербах в статье «Памяти Маяковского» интерпретирует выстрел 14 апреля 1930 г. как доказательство того, как «трудно перестраиваться человеку, приходящему к пролетариату с громадным грузом культуры прошлого», как свидетельство «мировосприятия одиночки» [28, с. 6–7]. Вступление Маяковского в ряды РАПП напостовцы считали поступком правильным и желательным. Поэт был принят «как один из самых близких пролетариату художников» [27, с. 2]. Но все же — не родной. Ермилов приветствовал творчество поэта как «честный, трудный и радостный путь одного из лучших представителей революционной интеллигенции к слиянию с пролетариатом» [27, с. 3].

Языковое творчество пролеткритики копировало официальный политический дискурс, пронизавший и покаянные речи обвиняемых в процессе «Промпартии», например, Рамзина, который высказал напрасное желание: «Я хотел, <...> чтобы все инженеры, как один, вошли в дружную семью пролетариата» [36, с. 2].

«Я хочу быть товарищем пролетариата», — незадолго до гибели с тоской произносит Абраментов. Эта тоска и это желание — основной идейно-мотивный комплекс, сформировавший трагический конфликт пьесы и героический характер главного персонажа, инженера, вернувшегося на социалистическую родину, чтобы послужить ей в ее нечеловеческой схватке с собственной отсталостью за светлое будущее. Жизнь и смерть Абраментова — это история противостояния человеческого и сверхчеловеческого начал, которую Платонов инсценирует, помещая на вершину социальной пирамиды, которой определена система персонажей его пьесы, директора завода Девлетова. Его фамилия с тюркским корнем «девлет» обозначает «государство», а в контексте эпохи индустриального штурма и коллективизации — «*пролетарское* государство». С ним породниться ради пятилетки призывает Девлетов. Стать ему хотя бы другом жаждет всем существом «сирота» Абраментов. Так образный и идейный строй сочетания «товарищ

пролетариата» передает кризисные, чреватые трагедией тенденции нового общества, определяет конфликтологию пьесы «Объявление о смерти», получившей весной 1932 г. новое название: «Высокое напряжение». Новое именование — это символ сокрушительной энергии столкновения «интимной» мечты и «общественных» устремлений главного героя пьесы Абрамента с чуждой его мечтам и надеждам реальностью.

Платонов не был первым, кто по-своему использовал ленинское выражение «мнимые друзья пролетариата». Дважды оно было употреблено в пьесе К.А. Тренева «Любовь Яровая» (1927). Впервые — вложенное в уста «деятеля тыла» Аркадия Елисатова, провозглашавшего лозунг: «Отдадим народу все силы, ибо наука была белая рабыня капитала, теперь она — красный товарищ пролетариата» [40, с. 127]. Вторично — в финале пьесы, где Любовь Яровая в ответе на слова красного комиссара Кошкина, назвавшего ее верным товарищем, возвращает выражению буквальный смысл: «Я только с нынешнего дня верный товарищ» [40, с. 212]. С точки зрения реального комментария важно то, что Платонов берет своего «товарища пролетариата» из жизни: в близких выражениях в 1930 г. формулировалась политическая задача смычки на производстве людей науки, интеллигенции и пролетариата: «Инженерно-техническая секция Ленинграда заявила свою готовность на *теснейшую дружбу <...> с рабочим классом* принятием на себя 29 пунктов обязательств» (курсив мой. — Д.М.) [35, с. 3].

Примеров много, и не все войдут в реальный комментарий, главная особенность которого в четвертом томе «Сочинений» связана не только с толкованием забытого прямого смысла слова, но прежде всего с представлением, откуда «чужие слова» пришли к писателю и какие эмоционально-смысловые обертоны обрели они в платоновском употреблении. Образные обобщения, за ними стоящие, выводят историка литературы не столько к миру «вещей», сколько к человеческим отношениям, к мощному диалогизирующему фону, в энергичном поле которого слово писателя оказывается окутанным не столько смыслами, сколько оценками этих смыслов. Вспомним В.М. Волошинова: «Мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т. д. <...> Как такое мы его понимаем и лишь на такое, задевающее нас идеологически или жизненно слово мы отвечаем» [6, с. 3].

И потому предметом реального комментария к произведениям Платонова 1929–1932 гг. должен быть новый языковой стандарт, навязываемый обществу, всей стране институтами власти, в том числе литературными институциями, стандарт, который сам является «важнейшей социокультурной институцией меритократического общества», воспроизводящей «отношения социального доминирования» [10]. Комментирование не слов, а *отношений* в языке первой пятилетки позволяет продемонстрировать идейное пограничье, в которое вступила страна в год великого перелома, где начатая сразу после Октября советской властью война за новый языковой стандарт достигла своего апофеоза, где происходила интерференция и совершались преобразование и распад мировоззрений, жизненных укладов, ценностей.

Заданную политической публицистикой времени тему интеллигенции, в которой демонстративно были противопоставлены и схлестнуты основные социальные типы первой пятилетки: «великие люди», «гуманисты», «солитеры», с одной стороны, и «безрукие, безглазые полипы», «масса» (выражения из горьковских статей 1929–1931 гг.) — с другой, Платонов развивал, используя мировоззренческие схемы ведущих институций, но создавал собственную независимую ее версию.

Список литературы

- 1 Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 784 с.
- 2 Антонова Е.В. А. Платонов — инженер треста «Росметрорес» // Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 787–793.
- 3 Антонова Е.В. Союз пролетарских писателей: хроника деятельности воронежского отделения. (1920 г.) // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН. 2017. Вып. 8. С. 350–357.
- 4 Архив А.П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. 672 с.
- 5 Афиногенов А. Пьесы советских писателей. М.: Искусство, 1954. Т. 2. 616 с.
- 6 Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
- 7 Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 196 с.

- 8 *Добренко Е.* Платонов и Сталин: диалоги на «тарабарском языке» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Вып. 8. С. 110–119.
- 9 *Живов В.* Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazyk-i-revoluciya-razmyshleniya-nad-staroy-knigoy-a-m-selishcheva> (дата обращения: 03.09.2019).
- 10 *Закружная З.С., Московская Д.С.* Институциональное измерение советской литературы. К истории забытого литературного объединения ЛОКАФ // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 12–18.
- 11 [*Корниенко Н.В.* Комментарии] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918–1927. Кн. 1: Рассказы. Стихотворения. С. 447–499.
- 12 *Корниенко Н.В.* Литературная критика и культурная политика периода нэпа: 1921–1927 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпоха. М.: Новое литературное обозрение. 2011. С. 69–206.
- 13 *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН. 2010. 504 с.
- 14 *Ласунский О.Г.* Житель родного города: воронежские годы Андрея Платонова, 1899–1926. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1999. 288 с.
- 15 *Мальгина Н.М.* Андрей Платонов и литературная Москва: А.К. Воронский, А.М. Горький, Б.А. Пильняк, Б.Л. Пастернак, Артем Веселый, С.Ф. Буданцев, В.С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.
- 16 *Михеев М.* Три подхода к ругательствам: официальный (Филонов), интеллигентский (Пришвин), народный (Платонов) // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 353–362.
- 17 [*Московская Д.С.* Комментарии: «Эфирный тракт»] // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2. С. 472–506.
- 18 *Московская Д.С.* К хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Вып. 8: Андрей Платонов и его современники. Исследования и материалы. С. 416–427.
- 19 [*Московская Д.С.* Научная подготовка текстов, комментарии]. Андрей Платонов. Война // Октябрь. 1999. № 7. С. 101–119.
- 20 *Московская Д.С.* Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 432 с.
- 21 *Московская Д.С.* Обзор материалов работы секции писателей-краеведов Всероссийского союза советских писателей (1929–1931) по документам ОР ИМЛИ РАН // Пятые всероссийские краеведческие чтения. Москва-Владимир 27–28 мая 2011 г. М.: Издат. центр «Краеведение», 2012. С. 468–474.

- 22 *Московская Д.С.* Первая редакция пьесы «Высокое напряжение»: «Объявление о смерти» // Архив А.П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. С. 178–237.
- 23 *Московская Д.С.* Платонов и краеведение // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 7–35.
- 24 *Московская Д.С.* «...я по существу мастеровой, братцы». Владимир Маяковский в реминисценциях пьесы Андрея Платонова «Высокое напряжение» // Русская литература. 2012. № 1. С. 178–193.
- 25 На литературном посту. 1930. № 4.
- 26 На литературном посту. 1930. № 5–6.
- 27 На литературном посту. 1930. № 8.
- 28 На литературном посту. 1930. № 9.
- 29 Наши достижения. 1929. № 1.
- 30 Наши достижения. 1930. № 6.
- 31 Платонов А. Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сборник. М.: Современный писатель, 1994. 496 с.
- 32 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918–1927. Кн. 2: Статьи. 501 с.
- 33 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН. 2016. Т. 2: 1926–1927. Повести, рассказы, сценарии, статьи. 869 с.
- 34 *Платонов А.* «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. М.: Астрель, 2013. 685 с.
- 35 Полюстровский гигант. 1930. 30 янв.
- 36 Правда. 1930. 26 ноября.
- 37 *Пришвин М.М.* Дневники 1920–1922. М.: Московский рабочий. 1995. 336 с.
- 38 Прожектор. 1923. № 22, 31 дек.
- 39 *Сталин И.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 13. 212 с.
- 40 *Тренев К.* Любовь Яровая. Пугачевщина. М.: Недра, 1927. 212 с.
- 41 *Эйхенбаум Б.М.* О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. 540 с.

References

- 1 Antonova E.V. *Voronezhskii period zhizni i tvorchestva A.P. Platonova: biografiia, tekstologiya, poetika* [Voronezh period of life and work of A.P. Platonov: biography, textology, poetics]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016. 784 p. (In Russ.)
- 2 Antonova E.V. A. Platonov — inzhener tresta “Rosmetroves” [A. Platonov — engineer of the Rosmetroves trust]. “*Strana filosofov*” *Andreya Platonova: Problemy tvorchestva* [The country of philosophers by Andrey Platonov: Problems of creative art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2000, issue 4, pp. 787–793. (In Russ.)
- 3 Antonova E.V. Soiuz proletarskikh pisatelei: khronika deiatei'nosti voronezhskogo otdeleniia. (1920 g.) [Union of proletarian writers: a chronicle of the Voronezh branch. (1920)]. “*Strana filosofov*” *Andreya Platonova: Problemy tvorchestva* [The country of

- philosophers by Andrey Platonov: Problems of creative art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, issue 8, pp. 350–357. (In Russ.)
- 4 *Arkhiv A.P. Platonova* [Archive of A.P. Platonov]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. Book 2: Opisanie rukopisi romana “Chevengur”. Dinamicheskaia transkriptsiia [Description of the manuscript of the novel *Chevengur*. Dynamic transcription]. 672 p. (In Russ.)
- 5 Afinogenov A. *P'esy sovetskikh pisatelei* [Plays of Soviet writers]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954. Vol. 2. 616 p. (In Russ.)
- 6 *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953* [Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RKP(b) – VKP(b), the Cheka – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953]. Moscow, Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia” Publ., 1999. 872 p. (In Russ.)
- 7 Voloshin V.N. *Marksizm i filozofiiia iazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o iazyke* [Marxism and the philosophy of language. The main problems of the sociological method in the science of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 196 p. (In Russ.)
- 8 Dobrenko E. Platonov i Stalin: dialogi na “tarabarskom iazyke” [Platonov and Stalin: dialogues in the “gibberish language”]. “*Strana filozofov*” *Andreya Platonova: Problemy tvorchestva* [The country of philosophers by Andrey Platonov: Problems of creative art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, issue 8, pp. 110–119 (In Russ.)
- 9 Zhivov V. Iazyk i revoliutsiia. Razmyshleniia nad staroi knigoi A.M. Selishcheva [Language and revolution. Reflections on the old book of A.M. Selishcheva]. *Otechestvennye zapiski*, 2005, no 2. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazyk-i-revoluciya-razmyshleniya-nad-staroy-knigoy-a-m-selishcheva>. (Accessed 03 September 2019) (In Russ.)
- 10 Zakruchnaia Z.S., Moskovskaia D.S. *Institutsional'noe izmerenie sovetskoi literatury. K istorii zabytogo literaturnogo ob"edineniia LOKAF* [The institutional dimension of Soviet literature. On the history of the forgotten literary association LOKAF]. *Filologicheskii klass*, 2018, no 2 (52), pp. 12–18. (In Russ.)
- 11 [Kornienko N.V. Kommentarii]. *Platonov A. Sochineniia* [Andrey Platonov. Works]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. Vol. 1: 1918–1927. Book 1: Rasskazy. Stikhotvoreniia [Stories. Poems], pp. 447–499. (In Russ.)
- 12 Kornienko N.V. Literaturnaia kritika i kul'turnaia politika perioda nepa: 1921–1927 [Literary criticism and cultural policy of the NEP period: 1921–1927]. *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epokha* [The history of Russian literary criticism: the Soviet and post-Soviet era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 69–206. (In Russ.)
- 13 Kornienko N.V. “*Nepovskaia ottepel'*”: stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki [New Economic Policy's thaw: The establishment of the Institute of Soviet literary criticism]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 504 p. (In Russ.)

- 14 Lasunskii O.G. *Zhitel' rodnogo goroda: voronezhskie gody Andreya Platonova, 1899–1926* [Hometown resident: Voronezh years of Andrey Platonov, 1899–1926]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta Publ., 1999. 288 p. (In Russ.)
- 15 Malygina N.M. *Andrey Platonov i literaturnaia Moskva: A.K. Voronskii, A.M. Gor'kii, B.A. Pil'niak, B.L. Pasternak, Artem Veselyi, S.F. Budantsev, V.S. Grossman* [Andrey Platonov and literary Moscow: A.K. Voronsky, A.M. Gorky, B.A. Pilnyak, B.L. Pasternak, Artem Vesely, S.F. Budantsev, V.S. Grossman]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018. 592 p. (In Russ.)
- 16 Mikheev M. Tri podkhoda k rugatel'stvam: ofitsial'nyi (Filonov), intelligentskii (Prishvin), narodnyi (Platonov) [Three approaches to curses: official (Filonov), intellectual (Prishvin), popular (Platonov)]. *"Strana filosofov" Andrey Platonova: Problemy tvorchestva* [The country of philosophers by Andrey Platonov: Problems of creative art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, issue 5, pp. 353–362. (In Russ.)
- 17 [Moskovskaia D.S. Kommentarii: "Efirnyi trakt"]. *Platonov A. Sochineniia* [Platonov A. Works]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, vol. 2, pp. 472–506. (In Russ.)
- 18 Moskovskaia D.S. K khronike raboty nad p'esoi "Vysokoe napriazhenie" [On the chronicle of publication history of the play "High Voltage"]. *"Strana filosofov" Andrey Platonova: Problemy tvorchestva* [The country of philosophers by Andrey Platonov: Problems of creative art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, issue 8: Andrey Platonov i ego sovremenniki. Issledovaniia i materialy [Andrey Platonov and his contemporaries. Studies and materials], pp. 416–427. (In Russ.)
- 19 [Moskovskaia D.S. Nauchnaia podgotovka tekstov, kommentarii]. Andrey Platonov. Voina [Andrey Platonov. The war]. *Oktiabr'*, 1999, no 7. pp. 101–119. (In Russ.)
- 20 Moskovskaia D.S. *N.P. Antsiferov i khudozhestvennaia mestnografiia russkoi literatury 1920–1930-kh gg.: k istorii vzaimosviazei russkoi literatury i kraevedeniia* [N.P. Antsiferov and the artistic localography of Russian literature of the 1920–1930s: on the history of the relationship between Russian literature and local history]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 432 p. (In Russ.)
- 21 Moskovskaia D.S. Obzor materialov raboty seksii pisatelei-kraevedov Vserossiiskogo soiuzs sovetskikh pisatelei (1929–1931) po dokumentam OR IMLI RAN [A review of the materials of the work of the section of local history writers of the All-Russian Union of Soviet Writers (1929–1931) based on documents from the Manuscript department of IWL RAS]. *Piatye vserossiiskie kraevedcheskie chteniia. Moskva-Vladimir 27–28 maia 2011 g.* [Fifth All-Russian local history readings. Moscow-Vladimir May 27–28, 2011]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Kraevedenie" Publ., 2012, pp. 468–474. (In Russ.)
- 22 Moskovskaia D.S. Pervaia redaktsiia p'esy "Vysokoe napriazhenie": "Ob"iavlennie o smerti" [The first edition of the play "High Voltage": "Announcement of Death"]. *Arkhiv A.P. Platonova* [Archive of A.P. Platonov]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, book 1, pp. 178–237. (In Russ.)

- 23 Moskovskaia D.S. Platonov i kraevedenie [Platonov and local history]. “*Strana filosofov*” *Andreya Platonova: Problemy tvorchestva* [The country of philosophers by Andrey Platonov: Problems of creative art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, issue 5, pp. 7–35. (In Russ.)
- 24 Moskovskaia D.S. “...ia po sushchestvu masterovoi, brattsy”. Vladimir Maiakovskii v reminitsentsiiaakh p’esy Andreya Platonova «Vysokoe napriazhenie» [“...I’m essentially a craftsman, brothers.” Vladimir Mayakovsky in the reminiscences of Andrey Platonov’s play “High Voltage”]. *Russkaia literatura*, 2012, no 1, pp. 178–193. (In Russ.)
- 25 *Na literaturnom postu* [At a literary post], 1930, no 4. (In Russ.)
- 26 *Na literaturnom postu* [At a literary post], 1930, no 5–6. (In Russ.)
- 27 *Na literaturnom postu* [At a literary post], 1930, no 8. (In Russ.)
- 28 *Na literaturnom postu* [At a literary post], 1930, no 9. (In Russ.)
- 29 *Nashi dostizheniia* [Our achievements], 1929, no 1. (In Russ.)
- 30 *Nashi dostizheniia* [Our achievements], 1930, no 6. (In Russ.)
- 31 Platonov A. *Vospominaniia sovremennikov: Materialy k biografii. Sbornik* [Memoirs of contemporaries: Materials for the biography. Compilation]. Moscow, Sovremennyi pisatel’ Publ., 1994. 496 p. (In Russ.)
- 32 Platonov A. *Sochineniia* [Works]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. Vol. 1: 1918–1927. Book 2: Stat’i [Articles]. 501 p. (In Russ.)
- 33 Platonov A. *Sochineniia* [Works]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016. Vol. 2: 1926–1927. Povesti, rasskazy, stsennarii, stat’i [Tales, stories, scripts, articles]. 869 p. (In Russ.)
- 34 Platonov A. “...ia prozhil zhizn’”: *Pis’ma. 1920–1950 gg.* [“...I have lived my life”: Letters. 1920–1950]. Moscow, Astrel’ Publ., 2013. 685 p. (In Russ.)
- 35 *Poliustrovskii gigant* [Polyustrovsky giant], 1930, January 30. (In Russ.)
- 36 *Pravda* [The Truth], 1930, November 26. (In Russ.)
- 37 Prishvin M.M. *Dnevniky 1920–1922* [Diaries, 1920–1922]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995. 336 p. (In Russ.)
- 38 *Prozhektor* [The Searchlight], 1923, no 22, December 31. (In Russ.)
- 39 Stalin I.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1949. Vol. 13. 212 p. (In Russ.)
- 40 Trenev K. *Liubov’ Iarovaia. Pugachevshchina* [Lubov Yarovaya. Pugachevshina]. Moscow, Nedra Publ., 1927. 212 p. (In Russ.)
- 41 Eikhenbaum B.M. *O literature* [On literature]. Moscow, Sov. pisatel’ Publ., 1987. 540 p. (In Russ.)